

Дональд Островски (Кембридж, США)

500 лет спустя: Церковный Собор 1503 г.

I.

Церковный Собор 1503 г. и источниковедческие проблемы*

500 лет назад, летом 1503 г. в Москве был созван Церковный Собор. В процессе его заседаний были выработаны два постановления. Кроме того, согласно некоторым источникам, был созван и второй Собор, или продолжение заседаний первого Собора, чтобы обсудить и окончательно отвергнуть план отчуждения церковной и монастырской земельной собственности. Собор явился предметом разногласий в исторической науке и служит своего рода символом для различного рода идеологических позиций. Главное разногласие касается вопроса о земельном отчуждении, предположительно поднятого на Соборе, и поражения сторонников отчуждения.

Стадии историографической интерпретации. Интерпретации, касающиеся Церковного Собора 1503 г., прошли пять определенных фаз. В.Н. Татищев представляет первую фазу, берущую начало в XVIII веке. Основываясь исключительно на летописной статье под 1503 г., он сообщил о решениях, касающихся вдовых священников (вдовому белому духовенству более не разрешалось служить литургию, они должны были идти в монастырь), ставленнических пошлин и запрещения совместного проживания монахов и монахинь в одном монастыре, но он не упомянул о принятом решении относительно секуляризации церковных и/или монастырских владений.¹

Н.М. Карамзин был первым, кто (в 1817 г.) поставил вопрос о *секуляризационном Соборе* и, следовательно, первым, начавшим новую фазу исследований. Но Карамзин не связывал секуляризационный Собор с Собором о вдовых священниках; он считал, что он был созван в другое время (а именно, в 1500 г.), отличное от времени Собора, обсуждавшего проблему вдового белого духовенства. Его главный источник — поздняя редакция *Соборного ответа* — не содержала точной даты событий, в нем описанных.²

С.М. Соловьев начал третью фазу исследований в 1855 г., впервые связав секуляризационный Собор непосредственно с Собором о вдовых священниках, созван-

* Прим. редактора: Первая часть настоящей статьи представляет собой расширенный вариант статьи автора, опубликованной под заглавием: "Council of 1503, Orthodox Church," *Modern Encyclopedia of Religions in Russia and the Soviet Union* (MERRSU), vol. 5 (1993), pp. 226–232. Редакция благодарит Пола Стикса (Paul D. Steeves), редактора MERRSU, за разрешение опубликовать ее переработанный вариант.

¹ В.Н. Татищев, *История российская с самых древнейших времен*, 5 тт. (СПб.-М., 1768–1848), т. 5, стр. 144. Хотя рукопись пятого тома его *Истории* была открыта только в 1843 г., и опубликована только в 1848 г., его изображение Собора 1503 г. отразило пре-Карамзинское понимание событий.

² Н.М. Карамзин, *История государства Российского*, 12 тт. (СПб., 1816–1829), т. 6, стр. 339–342.

ном в 1503 г.³ Он основывался, главным образом, на *Письме о нелюбках*, описывавшем конфликт двух церковных партий, одну из которых возглавлял Нил Сорский, а другую — Иосиф Волоцкий. Самое полное обсуждение церковного Собора 1503 г. в дореволюционной историографии принадлежит Е.Е. Голубинскому, который в своей интерпретации следовал Соловьеву.⁴

Живое обсуждение Собора 1503 г. и церковных партий в Древней Руси XVI в. имело место в Советском Союзе в 50-х и 60-х годах XX века; по ходу этой дискуссии некоторые аспекты проблемы были подвергнуты сомнению. А.А. Зимин был первым, кто усомнился в активном участии Иосифа Волоцкого в Соборе 1503 г. относительно земельной собственности. Более того, Зимин, сомневавшийся в том, что Иосиф Волоцкий успел определить свой взгляд на этот вопрос к 1503 г., оспаривал вероятность того, что Иосиф Волоцкий выступил на Соборе с защитой прав церкви и монастырей на земельную собственность. Зимин утверждал, что Иосиф начал формировать свои взгляды на монастырскую земельную собственность только через несколько лет после Собора 1503 г. и, возможно, именно под влиянием этого Собора.⁵ Я.С. Лурье и Г.Н. Моисеева сомневались в вероятности того, что Нил Сорский поднимал вопрос о секуляризации. В двух своих работах Г.Н. Моисеева выразила сомнения по ряду вопросов, включая и идею о том, что партия нестяжателей была сформирована в столь раннее время.⁶ Ряд ее заключений был основан на статье Я.С. Лурье.⁷ Оба полагали, что церковные партии иосифлян и нестяжателей в 1503 г. не могли еще быть сформированы. Н.А. Казакова возразила Моисеевой, тем самым заново утвердив традиционное понимание вопроса.⁸ Лурье ответил на возражения Казаковой в своей книге *Идеологическая борьба*.⁹ Этот спор, как кажется, был завершен, по крайней мере временно и с некоторыми модификациями, представителями традиционных историографических взглядов,

³ С.М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, 29 тт. (М., 1851–1879), т. 5, стр. 262–263 и 267–269.

⁴ Е.Е. Голубинский, *История русской церкви*, в 2-х томах (М., 1900–1911), т. 2, ч. 1, стр. 612–632.

⁵ См. А.А. Зимин “О политической доктрине Иосифа Волоцкого”, *Труды Отдела древнерусской литературы* (далее: *ТОДРЛ*), т. 9 (Л., 1953), стр. 167–174. Он повторил свои соображения в статье “Об участии Иосифа Волоцкого в соборе 1503 г.”, см. *Послания Иосифа Волоцкого*, под ред. А.А. Зимина и Я. С. Лурье (М.-Л., 1959), (далее: *ПИБ*), стр. 370–374. Зимин продолжил свое исследование Собора в отдельных главах двух своих книг: *Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.)* (М., 1977), стр. 64–73 и *Россия на рубеже XV–XVI столетий* (М., 1982; опубликована посмертно), стр. 197–211.

⁶ См. Г.Н. Моисеева, “О датировке ‘Собрания некоего старца’ Вассиана Патрикеева”, *ТОДРЛ*, т. 15 (Л., 1958) стр. 349–361, а также ее *Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI в.* (М.-Л., 1958), особ. стр. 15–32.

⁷ Я.С. Лурье, “Краткая редакция ‘Устава’ Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлячества”, *ТОДРЛ*, т. 12 (Л., 1956), особ. стр. 123–126.

⁸ Н.А. Казакова, “Борьба против монастырского землевладения на Руси в конце XV–начале XVI вв.”, *Ежегодник музея истории и атеизма*, т. 2 (М., 1958), стр. 151–171; она повторила свои возражения в книге *Вассиан Патрикеев и его сочинения* (М.-Л., 1960), особ. стр. 5–35.

⁹ Я.С. Лурье, *Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV–начала XVI века* (М.-Л., 1960), стр. 412–416.

когда Ю.К. Бегунов исследовал и опубликовал прежде неизвестный источник — *Слово иное*.¹⁰

Таким образом, четвертая фаза началась с открытия в 1964 г. рукописи XVII века, содержащей текст *Слова иного*, в котором в конфликте “государство—церковь” вперед выдвигалась фигура великого князя Ивана III. Казакова чувствовала, что *Слово иное* поддерживает ее позицию более, чем позиции Лурье и Моисеевой, и представила обновление своих взглядов.¹¹ Продолжая свои исследования Собора 1503 г., Бегунов постарался поместить Собор в более широкий европейский контекст, касающийся секуляризационной политики.¹² Мнение, согласно которому государственная власть приняла активное участие в конфликте между церковными партиями, превалировало как стандартное в научной литературе, несмотря на возражения, появившиеся в результате исследований, проведенных в Гарвардском университете слушателями семинара профессора Эдварда Кинана, и моих собственных исследований, нашедших отражение в моей диссертации, защищенной в 1977 г. Эти возражения основывались на целом ряде методологических проблем, возникающих в процессе изучения вопроса, и положили начало пятой фазе в историографической интерпретации Собора.¹³

После защиты мною диссертации в 1977 г. было опубликовано несколько исследований по поводу Собора. В 1978 г. в частных беседах я ознакомил А.И. Плигузова со своими соображениями, которые он включил в свою собственную кандидатскую диссертацию, защищенную в 1986 г.¹⁴ Он опубликовал некоторые из материалов, касающихся Собора 1503 г., в ряде статей (см. ниже) и, впоследствии, в

¹⁰ Ю.К. Бегунов, “‘Слово иное’ — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви”, *ТОДРЛ*, т. 20 (Л., 1964), стр. 351–364.

¹¹ Н.А. Казакова, *Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в.* (Л., 1970), особ. стр. 68–86.

¹² Ю.К. Бегунов, “Секуляризация в Европе и собор 1503 г. в России”, *Феодальная Россия во всемирноисторическом процессе. Сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину*, под ред. В.Т. Пашуто и др. (М., 1972), стр. 41–47.

¹³ Наиболее полное обсуждение материалов, связанных с Собором 1503 г., включено в мою докторскую диссертацию, защищенную в 1977 г. в Университете штата Пенсильвания, *A “Fontological” Investigation of the Muscovite Church Council of 1503*, Pennsylvania State University, 1977 (доступна через посредство University Microfilms International, Ann Arbor, Michigan, 1977. ААТ 7723262). Работа не только содержит более подробное обсуждение спорных вопросов, связанных с Собором и ряда гипотез, предложенных ревизионистски настроенными историками, чем в настоящей статье, но также включает описание рукописей и изданий, содержащих релевантные источники. Эта работа была дополнена моей статьей: “Church Polemics and Monastic Land Acquisition in Sixteenth-Century Muscovy”, *Slavonic and East European Review*, vol. 64 (1986), pp. 357–379, которая представляет более широкий контекст ревизионистских взглядов на Собор 1503 г. Собрание работ, выполненных аспирантами в семинаре профессора Эдварда Кинана в 1974 г. в Гарвардском университете, было опубликовано под заглавием: *The Council of 1503: Source Studies and Questions of Ecclesiastical Landowning in Sixteenth-Century Muscovy*, ed. Edward L. Keenan and Donald Ostrowski (Cambridge, Mass., 1977).

¹⁴ А.И. Плигузов, *Памятники раннего нестяжательства первой трети XVI в.* (диссертация канд. ист. наук, МГУ, 1986 г.).

своей книге *Полемика в русской церкви* 2002 г.¹⁵ Исследование вопроса было продолжено работами Роберта О. Крамми (Robert O. Crummeу), который в 1987 г. обсуждал проблему Собора 1503 г. и монастырского землевладения, заново пересмотрев как мои взгляды, так и взгляды тех, кто придерживался традиционной интерпретации вопроса.¹⁶ В 1991 г. Р.Г. Скрынников подверг сомнению мое утверждение, что полемические источники Собора ненадежны.¹⁷ Продолжая полемику, в моей недавней статье о политических взглядах Нила Сорского я дал отрицательный ответ на вопрос: поднимал ли Нил Сорский проблему секуляризации земельной собственности на Соборе 1503 г.¹⁸ В 2002 г., А.И. Алексеев посвятил две главы своей книги *Под знаком конца времен* проблеме Собора 1503 г. и представил аргументы в защиту традиционных взглядов.¹⁹ Дополненную и переработанную версию моей диссертации, озаглавленную *The Moscow Church Council of 1503: A Study of the Evidence*, в которой учтена литература, вышедшая в свет после 1977 г., читатель сможет найти на моем website <<http://hudce7.harvard.edu/~ostrowski/council>>.

Методологические проблемы. В настоящее время общепринятая картина последовательности событий, связанных с Собором 1503 г., выглядит приблизительно так:

(1) 6 августа 1503 г. митрополит Симон, новгородский архиепископ Геннадий и другие иерархи, собравшись в Москве в присутствии великого князя Ивана III и его сына Василия, согласились с тем, что иерархи не должны брать “мзды” за назначение священников и установили минимальный возрастной ценз для поставляемых клириков: 30 лет для священников, 25 лет для дьяконов и 20 лет для иподьяконов.

(2) К 1-му сентября 1503 г. те же самые лица, иерархи и князья, согласились, что вдовые священники должны вступать в монастыри, что священники не должны служить литургии на следующий день после попойки и что монахи и монахини не должны жить в одном и том же монастыре.

¹⁵ А.И. Плигузов, *Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия* (М., 2002); см. также его статью “Секуляризация и теологические доктрины русского средневековья”, в кн.: *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации: Ранний и развитой феодализм. Чтения, посвященные памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений, Кишинев, 5–7 апреля 1989 г.*, под ред. В.Л. Янина и других (М., 1988), стр. 302–307.

¹⁶ Robert Crummeу, *The Formation of Muscovy, 1304–1613* (London, 1987), особ. pp. 129–131.

¹⁷ Р.Г. Скрынников, *Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники русской церкви* (Новосибирск, 1991), стр. 156–184; основная часть этой главы была переведена на английский язык, см. его “Ecclesiastical Thoughts in Russia and the Church Councils of 1503 and 1504”, *Oxford Slavonic Papers*, vol. 25 (1992), pp. 34–60; см. также его статью “Нестяжатели и иосифляне на соборе 1503 г.” *Средневековое православие от прихода до патриархата. Сборник научных статей*, под ред. Н.Д. Барабанова и др. (Волгоград, 1997), стр. 126–142.

¹⁸ См. мою статью, “Loving Silence and Avoiding Pleasant Conversations: The Political Views of Nil Sorskii”, *Harvard Ukrainian Studies*, vol. 19 (1995), pp. 476–496.

¹⁹ А.И. Алексеев, *Под знаком конца времен* (М., 2002), стр. 245–314.

(3) После того, как Собор был распущен, но прежде, чем большинство иерархов разъехались из Москвы, либо Иван III, либо Нил Сорский подняли вопрос о том, допустимо ли великому князю отчуждать земли у церкви или монастырей.

(4) Иосиф Волоцкий, который уже оставил Собор и успел вернуться в свой монастырь, был вызван обратно на Собор, где он выступил с пламенной речью, высказавшись в защиту земельных прав церкви и монастырей.

(5) Итак, отклонение предложения о возможном отчуждении церковной земельной собственности определило создание двух партий: нестяжателей, которые выступали против монастырского землевладения, и иосифлян, которые выступали в его защиту. Иосифляне сумели заключить неполный и нестабильный союз со светской властью, пообещав ей поддержку в обмен на сохранение монастырского землевладения. Тем не менее, подспудно тлеющий конфликт между иосифлянами и светской властью угрожал разрастись в пожар практически на всем протяжении XVI века.

Стандартная картина, представленная выше, была введена в историографию как несомненный исторический факт. Но, как кажется, эта картина не выдерживает критики со стороны строгого источниковедческого анализа.

Источники, представляющие свидетельства относительно Собора 1503 г., могут быть разделены на две группы: с одной стороны, у нас есть полемические источники, т.е. то, что, как кажется, было написано с целью подтвердить правоту того или иного направления в споре; с другой стороны, мы имеем источники, которые чисто описательны или документальны по своей природе. К полемическим источникам следует отнести:

- (1) *Прение с Иосифом*²⁰;
- (2) *Соборный ответ* (в трех версиях)²¹;

²⁰ *Прение с Иосифом* было опубликовано три раза: (1) [А. Павлов] «Полемические сочинения инока князя Вассиана Патрикеева (XVI ст.)», *Православный собеседник*, октябрь, 1863 г. стр. 200–210; (2) Казакова, *Вассиан Патрикеев*, стр. 275–281 и (3) в моей работе *A “Fontological” Investigation*, pp. 492–516. Исследование А.И. Плигузова этого источника представляет особый интерес, см. его «Прение с Иосифом», *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*, под ред. Б.Г. Литвака, В.А. Кучкина и А.П. Богданова (М., 1989), стр. 49–77 (перепечатано в его *Полемике...*, стр. 253–277). *Прение* сохранилось в пяти рукописях: (1) РНБ, Солов. 941/831, лл. 424–428об. (1560-е гг.); (2) РНБ, Солов. 963/853, лл. 466–472 (1580-е гг.); (3) Новосибирская публичная библиотека, собр. Тихомирова 373, лл. 416об–421об. (ок. 1600 г.); (4) РНБ, Солов. 985/875, лл. 57–64 (1650-е гг.) и (5) ГИМ, Синод. 738, лл. 97–102об. (1660-е гг.).

²¹ Полные тексты трех версий *Соборного ответа* были опубликованы дважды: (1) *ПИБ*, стр. 322–328 и (2) *A “Fontological” Investigation*, pp. 398–414. Ср. также исследование этого источника А.И. Плигузова: «Соборный ответ 1503 г.», *Русский феодальный архив XIV–первой трети XVI века*, т. 4 (1988), стр. 749–813 (перепечатано в его *Полемике в русской церкви*, стр. 330–386). Плигузов также опубликовал текст первой и второй версии *Соборного ответа* (см.: *Русский феодальный архив XIV–первой трети XVI века*, т. 4 [1988], стр. 837–842). *Соборный ответ* в первой и второй версии известен в одном списке: РГБ, Волок. 514, лл. 426–433 (1560-х гг.). Третья версия сохранилась в девяти списках: (1) РГБ, Фунд. 234, лл. 48–52об. (1630-е гг.); (2) ГИМ, Синод. 672, лл. 697об.–700 (ок. 1650 г.); (3) ГИМ, Синод. 679, лл. 31–33об. (1661 г.); (4) ГИМ, Синод. II, лл. 24об.–26об. (1680–

- (3) *Письмо о нелюбках*²²;
 (4) *Житие Иосифа*, приписываемое Льву Филологу²³;
 (5) *Житие Серапиона*²⁴ и
 (6) *Слово иное*.²⁵

Полемиические источники зачастую содержат исторические неточности, ложные положения и анахронизмы. Сами по себе эти ошибки не позволяют нам усомниться в реальном существовании секуляризационного Собора, но они дают

1700 г.); (5) РГБ, Тихонравов 229, лл. 221об.–224об. (1694 г.); (6) РНБ, Солов. 890/1000, лл. 46–49об. (ок. 1760 г.); (7) РГБ, Фунд. 200, лл. 33–35об. (1762 г.); (8) РНБ, Титов 1978, лл. 287об.–289 (1768 г.) и (9) РНБ, Эрмитаж. 15, лл. 19об.–21 (1750–1775 гг.).

²² *Письмо о нелюбках* было опубликовано четыре раза: (1) [А.В. Горский], “Отношения иноков Кириллова Белозерского и Иосифова Волоколамского монастырей в XVI в.”, *Прибавления к изданию творений святых отцев в русском переводе*, т. 10 (М., 1851), стр. 504–508; (2) А.С. Архангельский, *Образование и литература в Московском государстве в конце XV–XVII вв.*, т. 2 (Казань, 1901), стр. 163–166; (3) *ПИВ*, стр. 366–369 и (4) А. “*Fontological*” *Investigation*, pp. 393–397. *Письмо о нелюбках* известно в одном списке: ГИМ, Синод. 927, лл. 187–190 (1560-е гг.).

²³ *Житие Иосифа* было опубликовано два раза: (1) К.И. Невоструев, “Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным”, *Чтения в Обществе любителей духовного просвещения*, т. 2 (М., 1865), стр. 77–152 и (2) С.А. Белокуров, “Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным”, *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете*, 1903 г., кн. 3, отд. 2, стр. 22–43. В А. “*Fontological*” *Investigation*, pp. 357–371, я опубликовал соборный отрывок *Жития* с большим количеством рукописных вариантов, чем в публикациях Невоструева и Белокурова. Ср. здесь исследование этого источника А.И. Плигузова: “Вторая редакция минейного жития Иосифа Волоцкого”, *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*, под ред. В.И. Буганова, В.А. Кучкина и Б.Г. Литвака (М., 1984), стр. 29–55 (особ. см. стр. 41–42, 53 о *Житии Иосифа* Льва Филолога). *Житие Иосифа* известно в семи списках: (1) РНБ, СПб. Дух. Акад. 270, лл. 213–262 (1560-е гг.); (2) РГБ, Овчинников 289, лл. 195об.–257об. (1580-е гг.); (3) РГБ, Овчинникова 136, лл. 50–104 (ок. 1600 г.); (4) РГБ, Ундольский 323, лл. 1–32 (ок. 1650 г.); (5) БАН, Арх. Д. 258, лл. 1–64 (ок. 1680 г.); (6) БАН, Каликин 60, лл. 158–180об. (ок. 1720 г.) и (7) БАН, Каликин 16, лл. 1–33об. (ок. 1725 г.).

²⁴ Моисеева опубликовала полный текст *Жития Серапиона* с рукописными вариантами: Г.Н. Моисеева, “Житие Новгородского архиепископа Серапиона”, *ТОДРЛ*, т. 21 (Л., 1965), стр. 152–165. В А. “*Fontological*” *Investigation*, pp. 372–392, я опубликовал соборный отрывок *Жития* с большим количеством рукописных вариантов, чем в публикации Моисеевой. *Житие Серапиона* подробно обсуждалось в статье Р.П. Дмитриевой “Житие новгородского архиепископа Серапиона как публицистическое произведение XVI в.”, *ТОДРЛ*, т. 41 (Л., 1988), стр. 364–374. *Житие Серапиона* в полной версии сохранилось в девятнадцати списках: (1) РГБ, Ундольский 367, лл. 1–32 (ок. 1600 г.); (2) РГБ, Овчинников 285, лл. 72–94 (1630-е гг.); (3) РГБ, Троицк. 694, лл. 157–175 (1633 г.); (4) РГБ, Музейн. 6059, лл. 223–254 (1645–1650 гг.); (5) ГИМ, Синод. 804, лл. 329–356об. (1648–1652 гг.); (6) ГИМ, Синод. 803, лл. 422–450об. (1648–1652 гг.); (7) РНБ, Погодин 758, лл. 9–24об. (ок. 1650 г.); (8) РНБ, Q.XVII.42, лл. 171–193об. (1658–1662 гг.); (9) БАН, Архангельск. Д 233, лл. 224об.–254об. (1660-е гг.); (10) РГБ, Румянцев 371, лл. 172–226об. (1666 г.); (11) БАН, 34.4.8, лл. 239–257об. (1669 г.); (12) РГБ, Троицк. 637, лл. 15–32 (1677 г.); (13) РГБ, Троицк. 636, лл. 28–66об. (1680-е гг.); (14) РГБ, Рогожск. 183, лл. 68–100об. (1690-е гг.); (15) ГИМ, Синод. 85, лл. 1–25 (1715–1725 гг.); (16) РНБ, Титов 1701, лл. 211–227 (ок. 1725 г.); (17) РГБ, Музейн. 5194, лл. 1–24об. (1776 г.); (18) РГБ, Оптина 116, лл. 1–17 (1844 г.) и (19) РГБ, Оптина 213, лл. 1–31 (1850–1900 гг.). *Житие Серапиона* в краткой версии сохранилось в одном списке: РНБ, Софийск. 423, лл. 145–150 (1665–1684 гг.).

²⁵ *Слово иное* было опубликовано Ю.К. Бегуновым (см. прим. 10). Единственный список *Слова иного* находится на полях рукописи XVII века: Пермская РНБ 091/с-421, лл. 284об.–285 и 346об.–347.

нам повод сомневаться в абсолютной надежности тех документов, которые сообщали о подобного рода Соборе. Приведу несколько примеров.

Зимин заметил, что Паисий Ярославов никак не мог присутствовать на Соборе 1503 г, как об этом сообщает *Письмо о нелюбках*, так как он умер в декабре 1501 г.²⁶ Указывалось также, что участие в Соборе Василия Борисова представляется весьма сомнительным, хотя об этом и сообщает *Слово иное*, так как самое раннее упоминание о Василии Борисове встречается в *Разрядной книге* только под 1515 г.²⁷ Если он начал служить в Московском государстве в этом году и, прослужив еще около сорока или сорока пяти лет, сумел достичь только положения окольного где-то в 1550-е годы, он никак не мог быть достаточно важной фигурой, чтобы принять участие в Соборе в 1503 г.

Слово иное и 1-я и 3-я версии *Соборного ответа* упоминают о присутствии “архиепископов” на Соборе, хотя в 1503 г. в Московской Руси был только один архиепископ, а именно, — Геннадий Новгородский. Появление формы множ. числа в *Слове ином* и в 1-й версии *Соборного ответа* можно было бы объяснять ошибкой переписчика, так как до нас дошел только один список этой версии и только один список *Слова иного*; но только ошибкой автора в оригинале может быть объяснена форма множ. числа во всех 9 списках 3-й версии *Соборного ответа*.

Прение с Иосифом относит оба собора (и секуляризационный собор, и собор о вдовых священниках) “ко второму году” (т.е. к 7002-му) от сотворения мира и, соответственно, к 1493/1494 г. от Рождества Христова (или, согласно альтернативной системе отсчета, к 1502 г.). Как и в предыдущем случае, эта ошибка должна была принадлежать создателю оригинального текста, так как она появляется в обоих ответвлениях *stemma codicum* и во всех 5 сохранившихся списках.

С. Иванов, который представил подробный анализ *Жития Иосифа Льва* Филолога, указывал на определенные противоречия в *Житии Иосифа*, например: (а) *Житие* сообщает, что Иосиф принимал участие в Соборе 1490 г., что не подтверждается другими житиями Иосифа и 4-й Новгородской летописью, которая содержит список всех участников этого собора; (б) *Житие* сообщает что книга Иосифа о еретиках (т.е. его *Просветитель*) содержит 18 слов; но ни одна из дошедших до нас версий этого памятника не содержит более шестнадцати слов.²⁸

Приведенные выше примеры позволяют предположить определенное расстояние во времени (а возможно, и в пространстве) между составителями этих текстов и самим Собором 1503 г.

²⁶ А.А. Зимин, “Княжеские духовные грамоты начала XVI в.”, *Исторические записки*, т. 27 (М., 1948), стр. 270 прим. 31. Дату смерти Паисия Ярославова см. в: А.А. Зимин, “Краткие летописцы XV–XVI вв.” *Исторический архив*, т. 5 (М., 1950), стр. 28: “В лето 7010 декабря в че[тверто]к 2 часа дни преставися старец Пасея [так] Ерославов на Москве”.

²⁷ Mark C. Larman, “The Slovo Inoe and the Council of 1503”, in *The Council of 1503: Source Studies*, pp. 75–76; см. также *Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.)*, под ред. П.Н. Милюкова (М., 1901), стр. 60.

²⁸ С. Иванов, “Кто был автором анонимного жития пр. Иосифа Волоцкого”, *Богословский вестник*, т. 3 (М., 1915), стр. 173–190, особ. стр. 181.

Полемические источники также склонны противоречить друг другу (даже те, которые отражают одну и ту же точку зрения) в таких ключевых вопросах, как: с какой целью был созван Собор, что именно на нем произошло, о каких землях поднимался вопрос, и когда точно Собор состоялся. Так, *Прение с Иосифом* сообщает, что великий князь созвал Собор, чтобы “отимати села у святых церквей и у монастырей.” *Слово иное* говорит, что Нил Сорский, Денис Каменский и дьяки сказали великому князю “не достоин чернцем сель имати.” Потом митрополит Симон созвал собор, чтобы отдать “сель пречестыя церкви.” И архиепископ Геннадий “нача глаголати противу великому князю о церковных землях”. *Житие Иосифа* и *Житие Серапиона* сообщают, что великий князь созвал Собор “видети о словеси: монастырем села и нивы аще не приятна” и что “некие отцы” “поболеша о стяжании сел монастырем”. *Письмо о нелюбках* не упоминает о великом князе, но приписывает неожиданное поднятие вопроса старцу Нилу, который желал, чтобы “у манастыреи сел не было”.²⁹ *Соборный ответ* попросту указывал, что “събор был о землях церковных святительских монастырских”. Н.Б. Сеницына полагала что, отмеченные “противоречия и различия” следует объяснять жанром, происхождением и целями произведения.³⁰ Но противоречия наблюдаются в пределах одного и того же источника. Следовательно, эти противоречия не могут объясняться разными жанрами и целями источников.

Житие Серапиона сообщает, что это именно Серапион, игумен Троице-Сергиевой Лавры, защищал право церкви и монастырей на земельную собственность, “разумно и добре разчиня лутшая к лутшим”, в отличие от большинства списков *Жития Иосифа*, в которых эта фраза (“разумно и добре разчиня лутшая к лутшим”) использовалась по отношению к Иосифу. Тем не менее, некоторые списки этого *Жития*, стремясь достичь равновесия между двумя источниками, используют эту фразу по отношению к обоим, и к Иосифу, и к Серапиону, но оставляют неясным вопрос о том, кто же именно выступил на Соборе с речью против секуляризации земель.

Столь же остро обстоит дело и с хронологией. Если секуляризационный Собор состоялся после Собора о вдовых священниках, как сообщает *Письмо о нелюбках*, и Иосиф был вызван назад на Собор из своего монастыря, как сообщает *Житие Иосифа*, тогда следует предположить определенный промежуток времени между окончанием одного Собора и началом другого. Если Собор о вдовых священниках

²⁹ Термин “село” здесь значит ‘земли с крестьянами’; см. *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, т. 24 (М., 2000), стр. 46–48.

³⁰ См. Н.Б. Сеницына, “Спорные вопросы истории нестяжательства или о логике исторического доказательства”, *Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г.*, под ред. Ю.Н. Афанасьева и А.П. Новосельцева (М., 1990), стр. 253–254. Сеницына утверждает, что “никогда не доказано, что шесть разных авторов, описывая одно и то же событие, не выделяют разные его стороны, не станут по-разному оценивать его, не впадут в противоречия и не допустят ошибок” (стр. 253). Ее утверждение продолжает аргументацию Казаковой 1958 г.: “В одних источниках ... никаких противоречий не имеется. Отсутствие каких-то сведений в одних источниках и наличие их в других объясняется тем, что различные источники касаются различных моментов деятельности собора” (Казакова, “Борьба”, стр. 166; Казакова, *Вассиан Патрикеев*, стр. 28).

окончился 1-го сентября, когда было принято *Соборное определение*, а великий князь покинул Москву 21-го сентября, чтобы предпринять продолжительное путешествие по северным монастырям, как сообщают летописи,³¹ то тогда Собор о секуляризации земель должен был собраться между 1-м и 20-м сентября. Но этой дате противоречит сообщение *Слова инога*, согласно которому, как кажется, секуляризационный Собор заседал во время начала болезни Ивана III; болезнь же, согласно Иоасафовской и Никоновской летописям, случилась 28-го июля,³² т.е. до Собора о вдовых священниках и ставленнических пошлинах. Итак, все попытки определить точную дату секуляризационного Собора наталкиваются на противоречия в полемических источниках.

Нам также не удастся связать время создания полемических источников с временем самого Собора 1503 г.

Прение с Иосифом написано, по всей видимости, Арсением, бывшим игуменом Троице-Сергиевой Лавры, в 1554–1555 гг., когда он был сослан в Соловецкий монастырь.³³

Письмо о нелюбках, наиболее вероятно, было написано в 1560-е гг. Вассианом, бывшим архимандритом Возмицкого монастыря.³⁴

Лев Филолог, серб по происхождению, известный своими литературными способностями, написал *Житие Иосифа* где-то после 1546 г., но до создания *Повести о Серапионе*.³⁵

Повесть о Серапионе, на которой основывалось *Житие Серапиона*, была, по всей вероятности, составлена Трифилием, монахом Троице-Сергиевой Лавры, где-то около 1559 г. и переработана им же в *Житие* в 1562/3 гг. Трифилий заимствовал свою информацию о Соборе 1503 г. из *Жития Иосифа* Льва Филолога.³⁶

1-я и 2-я редакции *Соборного ответа* были составлены в период между 1550–1563 гг. (и в любом случае после создания *Ответа Макария*, из которого они обе заимствовали), по всей видимости, монахом или монахами Волоколамского монастыря. 3-я редакция *Соборного ответа* была составлена между 1563 и 1630-ми гг., возможно, в Троице-Сергиевой Лавре или на патриаршем дворе.³⁷

Наконец, *Слово иног*, наиболее вероятно, было составлено монахом Троице-Сергиевой Лавры в 1550 гг., когда царь отказался подтвердить илемнские грамоты монастыря.³⁸

³¹ *Иоасафовская летопись*, под ред. А.А. Зимина (М., 1957), стр. 145–146; *Полное собрание русских летописей* (далее: ПСРЛ), т. 6.2 (2001), стлб. 370; т. 8, стр. 243; т. 12, стр. 257–258.

³² *Иоасафовская летопись*, стр. 145; ПСРЛ, т. 12, стр. 257.

³³ См. мой анализ в *A “Fontological” Investigation*, pp. 229–239; см. также Плигузов, “Прение с Иосифом”; и Плигузов, *Пolemика в русской церкви*, стр. 272–277.

³⁴ См. мой анализ в *A “Fontological” Investigation*, pp. 112–120.

³⁵ См. Иванов, “Кто был автором”, стр. 177–190; и мои замечания в *A “Fontological” Investigation*, pp. 52–54.

³⁶ См. мой анализ в *A “Fontological” Investigation*, pp. 92–94.

³⁷ См. мой анализ в *A “Fontological” Investigation*, pp. 145–185.

³⁸ См. мой анализ в: *A “Fontological” Investigation*, pp. 240–272. — Приблизительно в 1467 г., или около того, Иван III пожаловал Троице-Сергиеву Лавру Илемнской волостью. Площадь этого земельного пожертвования была весьма велика и составляла “не менее 8 700 десятин”; ср. С.Б. Весе-

Отдавая себе отчет в том, что полемические источники были созданы значительно позже, чем сам Собор, некоторые ученые предположили наличие “утерянных источников”, из которых дошедшие до нас полемические произведения заимствовали свою информацию. Так, например, Н. Казакова считала, что *Соборный ответ* основывался на утерянных протоколах Собора 1503 г., и Ю. Бегунов предполагал наличие некоего *Сказания* о Соборе 1503 г., на котором основывалось *Слово иное*. Очевидно, тем не менее, что постулирование подобных “утерянных источников” есть не что иное, как спекуляция.

На самом деле, не только полемические источники, но и сама идея Собора о секуляризации не оставили никаких следов в литературе до середины 1550-х гг. *Ответ Макария* (1550 г.), который основывается, среди прочих источников, на *Уставе Владимира*, *Ярлыке татарского хана Узбека митрополиту Петру* и *Дарственной грамоте Константина Великого*, — все они призваны защитить права церквей и монастырей на земельную собственность, — не содержит никаких упоминаний о церковном Соборе 1503 г. Решения *Стоглавого Собора* 1551 г., которые включают решения Собора 1503 г. относительно вдовых священников и ставленнических пошлин, также не упоминают о секуляризационном Соборе, несмотря на тот факт, что редакторы *Стоглава*, как кажется, были озабочены проблемой монастырской земельной собственности. Точно так же ни один из дошедших до нас списков *Великих Четьих Миней* (1553 г.), которые должны были включать всю имеющуюся к тому времени церковную литературу (ранние 1550-е гг.), не содержит какого бы то ни было упоминания о таком секуляризационном Соборе. Ученые, которые полагают, что вопрос о секуляризации земель все-таки был поднят на Соборе 1503 г., должны объяснить то странное молчание, которое церковные лидеры и церковные источники хранили по этому вопросу вплоть до 1550-х гг., причем речь идет о тех церковных лидерах и источниках, которые в это же время высказывались в защиту положения о неотчуждаемости церковных и монастырских земель.

Для документальных источников этой эпохи, в отличие от полемических, вопросы датировки, атрибуции или надежности не являются столь сложными и противоречивыми. Более того: документальные источники ни словом не упоминают о секуляризационных проблемах. Главными документальными источниками являются:

ловский, *Село и деревня в северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений* (М.-Л., 1938), стр. 81. Нет никаких данных, позволяющих полагать, что в 1503 г. по поводу илемнского землевладения велись какие-нибудь споры. Более того, великокняжеские грамоты, данные Троице-Сергиевой Лавре на владение земельной собственностью (включая и Илемну), были подтверждены 6-го декабря 1505 г. Но в двух последующих случаях, т.е. 9-го февраля 1534 г. и 15–17 мая 1551 г., когда грамоты, выданные Лавре на право владения земельной собственностью, подтверждались в очередной раз, грамота на владение Илемной подтверждена не была. Скорее всего, проблема состояла не в законности самого великокняжеского земельного вклада, а в сомнениях относительно размеров этого вклада, т.е. определения его точных границ. В своей диссертации я предположил, что именно второй отказ в подтверждении илемских грамот и, следовательно, в праве Лавры на владение этой землей, и способствовал появлению в 1551 г. *Слова иного*; подробнее см. *A “Fontological” Investigation*, pp. 266–270.

- (1) *Соборное определение 6 августа 1503 г. о мздах*³⁹;
- (2) *Соборное определение сентября 1503 г. о вдовых попах*⁴⁰;
- (3) *Письмо митрополита Симона к Пскову 15 июля 1504 г.*⁴¹;
- (4) *летописные свидетельства*.⁴²

Кроме того, существуют также два вторичных источника:

- (5) *свидетельство Степенной книги*⁴³;

³⁹ Текст *Соборного определения о мздах* опубликован в 1836 г. П.М. Строевым в *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской комиссией* (далее: ААЭ), т. 1, стр. 484–485. Я опубликовал текст *Соборного определения о мздах* в моей диссертации; см. *A “Fontological” Investigation*, pp. 518–528. Плигузов также опубликовал текст *Соборного определения о вдовых попах* в *Русском феодальном архиве*, т. 3 (1987), стр. 660–662. Кроме того, части текста *Соборного определения о мздах*, где обсуждался запрет чернецам и черницам проживать в одном монастыре, а священникам и дьяконам — служить литургию после попойки, представлены в сокращенном виде в решениях Стоглава, гл. 82 и 83; см. Е.Б. Емченко, *Стоглав. Исследование и текст* (М., 2000), стр. 389–390. *Соборное определение о мздах* сохранилось в семи списках (вне *Стоглава*): (1) РНБ, Ф.П.80, лл. 672об.–673об. (1503–1540-е гг.); (2) РНБ, Погодин 1572, лл. 42об.–45 (1520-е гг.); (3) ГИМ, Синод. 183, лл. 696об.–697об. (1553 г.); (4) РНБ, Погодин 1568, лл. 46–48об. (1610-е гг.); (5) РГАДА, ф. 201, № 51-а (1538 г.); (6) ГИМ, Синод. 997, лл. 1475–1475об. (1552 г.); и (7) РНБ, Солов. 1085/1194, лл. 590–591 (1505 г.).

⁴⁰ Текст *Соборного определения о вдовых попах* был опубликован в 1790 г.: *Древняя российская вивлиофика*, ч. 14, стр. 206–210. Строев опубликовал текст в 1836 г. в ААЭ, т. 1, стр. 485–487. Я опубликовал текст *Соборного определения о вдовых попах* в моей диссертации, см. *A “Fontological” Investigation*, pp. 530–547. Плигузов тоже опубликовал его в *Русском феодальном архиве*, т. 3 (1987), стр. 658–660. Стоглавый Собор включил *Соборное определение о вдовых попах* в качестве гл. 80; см. Емченко, *Стоглав*, стр. 385–388. *Соборное определение о вдовых попах* сохранилось в девяти списках (кроме *Стоглава*): (1) РНБ, Ф.П.80, лл. 673об.–675об. (1503–1540-е гг.); (2) РНБ, Погодин 1572, лл. 39–42об. (1520-е гг.); (4) РНБ, Q.XVII.50, лл. 50об.–53об. (1530-е гг.); (4) ГИМ, Синод. 183, лл. 695об.–696об. (1553 г.); (5) ГИМ, Синод. 791, лл. 56об.–57об. (неполный) (1560-е гг.); (6) РНБ, Погодин 1568, лл. 44–46 (1610-е гг.); (7) РГАДА, ф. 201, № 51-а, лл. 599–599в (1538 г.); (8) ГИМ, Синод. 997, лл. 1474–1475 (1552 г.); и (9) РНБ, Солов. 1085/1194, лл. 589–590 (1505 г.).

⁴¹ Текст *Письма митрополита Симона к Пскову* был опубликован в 1836 г. Строевым в ААЭ, т. 1, стр. 487–488. *Письмо* сохранилось в ГИМ, Синод. 562, лл. 222–223об. (1500-е гг.). *Письмо* также сохранилось в составе *Псковской летописи*; см. *ПСРЛ*, т. 4, 1848, стр. 277–278 и *Псковские летописи*, под ред. А.Н. Насонова, т. 1 (М.-Л., 1941), стр. 88–89. Я опубликовал текст *Письма* в моей диссертации, см. *A “Fontological” Investigation*, pp. 549–559. *Письмо митрополита Симона к Пскову* сохранилось в четырех списках: (1) РНБ, Погодин 1404а, лл. 653об.–655 (1580–1600-е гг.); (2) РНБ, Погодин 1402 (1580–1600-е гг.), лл. 299–301; (3) РГБ, Рогожск. 83, лл. 664–665 (1660-е гг.); и (4) СПб ИРИ, Арх. Ком. № 252.

⁴² Основной летописный отчет существует в четырех версиях: (1) Свод 1508 г., версия, которая включена в (а) *Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 год*, под ред. П.М. Строева, ч. 2, М., 1821, стр. 271; (б) *ПСРЛ*, т. 6, 1853 г., стр. 49; (в) *ПСРЛ* т. 6/2, стлб. 370; (г) *ПСРЛ*, т. 8, 1859 г., стр. 243; (д) *ПСРЛ*, т. 12, стр. 257; (е) *ПСРЛ*, т. 20, ч. 1, стр. 374; (ж) *ПСРЛ*, т. 28, стр. 336–337; и (з) *Иоасафовская летопись*, стр. 145. Сокращенный пересказ этой версии представлен в *ПСРЛ*, т. 26, стр. 296. (2) Новгород-Псковская версия, которая включена в *ПСРЛ*, т. 4, 1848, стр. 277. Сокращенный пересказ этой версии представлен в *ПСРЛ*, т. 3, 1841, стр. 184 и в *ПСРЛ*, т. 30, стр. 175–176, 200. (3) Типографская версия, которая включена в *ПСРЛ*, т. 24, стр. 296. (4) *Продолжение Хронографа 1512 г.*, которое было опубликовано в статье С.О. Шмидта, “Продолжение Хронографа редакции 1512 года”, *Исторический архив*, т. 7 (М., 1951), стр. 275 и в *ПСРЛ*, т. 22, ч. 1, стр. 515.

(6) *Правило о вдовых полах и дьяконах.*⁴⁴

Хотя оригиналы *Соборных определений* до нас и не дошли, сохранились, по крайней мере, три списка, которые на основании филиграней можно датировать временем *раньше, чем* 1550-е гг. Эти списки содержат конкретные временные указания, которые отсылают нас к 1503 г., а также копии подписей участников Собора. Летописное свидетельство, известное нам в различных вариантах, вероятно, может быть датировано в пределах пяти лет после созыва Собора.

В отличие от полемических источников документальные свидетельства не содержат исторических неточностей или противоречий. Напротив, они оставили бесспорные “следы” своего существования в 1-й половине XVI века. Так, например, Геннадий потерял свой статус архиепископа Новгорода именно в результате *Соборного определения о мздах*. Вполне возможно, что это — единственное документально засвидетельствованное использование решений этого *Соборного определения* в XVI веке. Если это так, то можно заподозрить, что решения Собора как раз и были приняты с целью удаления Геннадия.

Соборное определение о вдовых полах было включено в *Стоглав* (1551 г.) и оспаривалось в письме Григория Скрипицы, написанном где-то в 1-й половине XVI в., возможно, вскоре после принятия самого оригинального решения в 1503 г. Это решение в конце концов было отменено Собором 1667 г.

Кроме того, решения Собора 1503 г., как свидетельствуют документальные источники, как кажется, основывались на предшествующих решениях относительно иерархов и клириков и на каноническом праве, как они были представлены в *Кормчих книгах*.⁴⁵ И. Жужек указывал, что, хотя *Определение о мздах* и не цитировало прямо какие бы то ни было Каноны, наказание за нарушение его постановлений опиралось на 29-е правило Апостольских постановлений и 25-е правило постановлений Трулльского Собора. Указание на минимальный возраст для иподьякона (20 лет) можно найти в 15-м правиле постановлений Трулльского Собора, а минимальный возраст для священника (30 лет) и дьякона (25 лет) читается не только в 14-м правиле постановлений Трулльского, но так же и в 11-м правиле постановлений Неокесарийского Собора. Жужек нашел канонические прецеденты *Определения о вдовых полах* в послании митрополита Петра (1308–1325) и в послании митрополита Фотия Пскову (около 1425 г.), а также в 6-м правиле постановлений Трулльского Собора. Ту часть решений Собора 1503 г., которая касалась запрещения совместного проживания монахов и монахинь в одном монастыре, Жужек возводил к 20-му правилу 2-го Никейского Собора.

⁴³ ПСРЛ, т. 21, ч. 2, стр. 576–577.

⁴⁴ Я опубликовал текст *Соборного определения о вдовых полах* в моей диссертации, см. *A “Fontological” Investigation*, pp. 569–572. *Правила о вдовых полах* сохранились в трех списках: (1) РГБ, Рогожск. 272, лл. 313–314 (1620–1625 гг.); (2) РГБ, Рогожск. 273, лл. 319–320 (XIX в.); и (3) РГБ, Рогожск. 274.1, лл. 315–316 (ок. 1860 г.).

⁴⁵ Канонические прецеденты *Соборного определения* подробно рассматривались в книге И. Жужка (I. Žužek) *Kormčaja kniga: Studies on the Chief Code of Russian Canon Law* (Rome, 1964 = *Orientalia Christiana Analecta*, vol. 168), pp. 153–155.

Короче говоря, неполемические, т.е. документальные, свидетельства соответствуют нашим представлениям о том, как должны “себя вести” надежные и аутентичные источники. Они не содержат существенных ошибок или противоречий; они датируются временем, близким к Собору 1503 г.; они, по всей видимости, отражают аутентичные формы официальных документов; копии этих документов обнаруживаются в официальных церковных кодексах и датируются первыми десятилетиями XVI в. Сообщаемые этими источниками события находят подтверждение в побочных свидетельствах, но ни один из них не содержит какого бы то ни было упоминания о секуляризации церковной земельной собственности. Документальные источники легко вписываются в хронологическую сетку источников, которые им предшествуют и за ними следуют, и, таким образом, легко укладываются в пределах первой четверти XVI в. Напротив, полемические источники оказываются хронологически ближе к текстам, датируемым третьей четвертью того же столетия.

Таким образом, основная проблема, с которой сталкиваются историки, — это необходимость решить, описывали ли авторы полемических источников 1550-х и 1560-х гг. *реальные* события, которые имели место на Соборе 1503 г. (или события, которые, как им казалось, имели место на этом Соборе), или они сознательно фальсифицировали информацию об обсуждении на Соборе вопроса, касающегося церковного и монастырского землевладения. Правда, историки, которые сомневаются в возможности использования полемических источников как надежного свидетельства, сталкиваются с необходимостью объяснить, почему именно в 1550-е гг. многие авторы стали обсуждать секуляризацию церковного землевладения и связывать возникновение этого вопроса с Собором 1503 г.

Можно попытаться предположить, что духовенство не могло напрямую обсуждать события Стоглавого Собора 1551 г., на котором были подняты проблемы церковного землевладения, и потому отодвинули дискуссию к гипотетическим событиям начала века, к Собору 1503 г. Но это предположение не объясняет причин, почему духовенство не могло открыто обсуждать Собор 1551 г. и почему ему пришлось выбрать Собор 1503 г. в качестве его замены. С другой стороны, защитники идеи церковной и монастырской земельной собственности могли увидеть в Соборе 1503 г. известный внутренний *прецедент*, отрицающий светское посягательство на церковную и монастырскую земельную собственность, что могло бы быть весьма удачным дополнением к арсеналу полемических средств, которым располагала церковь, — таким, как *Дарственная Константина*, *Устав Владимира* и *Ярлык митрополита Петра*. Возможно, что именно это соображение и подтолкнуло некоторых церковных авторов на фальсификацию такого прецедента.

Потребность в прецеденте, вполне возможно, возникла как реакция на попытки светской администрации начать регистрацию земельных вкладов в монастыри. Одним из наиболее ранних документов подобного рода является грамота, датированная 1535 г., которая требовала от Глушицкого монастыря списка всех вотчин, незадолго до этого данных монастырю в качестве вклада, и предупреждала монастырские власти против любого приобретения земельной собственности без уведомле-

ния Великого Князя (*без нашего ведома*).⁴⁶ Но только в 1551 г., в грамоте, которая позже была приложена к решениям Стоглавого Собора, мы обнаруживаем недвусмысленно суровое условие, согласно которому любая вотчина, проданная или данная монастырю в качестве вклада, могла быть конфискована, если монастыри не позаботились представить о ней информацию (*доклад*) соответствующим государственным властям.⁴⁷ Последующие акты 1557, 1562 и 1572 гг. далее определяли при каких условиях и в каком регионе монастыри могли или не могли законно приобретать земельную собственность.⁴⁸ Кроме того, после конфискации новгородских церковных земель в конце XV в. при Иване III следующая серия конфискаций началась только в 1530-х гг. и была предпринята государственными дьяками относительно отдельных монастырей.⁴⁹

Именно в это время, когда светская власть посредством целого ряда указов и установлений легализовывала право конфискации монастырского и церковного землевладения, если его передача не была ранее официально одобрена или разрешена, некоторые церковные деятели начали собирать воедино факты и прецеденты, говорящие в пользу неотчуждаемости монастырских и церковных земель. Они начали составлять тексты, в которых описывался вопрос о секуляризации земель, предположительно поднятый и благополучно отвергнутый на Соборе 1503 г. Итак, в течение 1530–1570-х, государство преследовало своей целью административное регулирование земельных приобретений монастырями и накладывало наказание в виде конфискации земли за его нарушение, а церковь (в течение этого же времени, т.е. в 1550-е и 1560-е гг.), отвечала возражениями и фальсификацией прецедента, отказывая государству в праве конфискации любого монастырского и церковного землевладения.

В источниках, отражающих государственную точку зрения (законы, указы и постановления) мы не находим каких бы то ни было указаний на то, что государство в целом хотело упразднить церковное и монастырское землевладение. Так, мы обнаруживаем, что в течение всего этого времени великие князья и члены их семей продолжали дарить землями церкви и монастыри.⁵⁰ Эти земельные вклады лишены смысла, если предположить, что светская власть планировала отчуждение той же самой земли в будущем.

Сама идея о существовании связи между вопросом о секуляризации монастырского и церковного землевладения и Собором 1503 г. могла исходить непосредственно от самого Стоглавого Собора. Согласно главе 100-й этого Собора, бывший митрополит Иоасаф просил Ивана IV разузнать у более старшего поколения бояр,

⁴⁶ Архимандрит Амвросий, *История российской иерархии*, 3 тт. (М., 1807–1811), т. 3, стр. 712–714.

⁴⁷ ААЭ, т. 1, стр. 218–219; Емченко, *Стоглав*, стр. 413–416.

⁴⁸ *Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией* (далее: АИ), 5 тт. (СПБ., 1841–1842), т. 1, стр. 258–260 (1557 г.); АИ, т. 1, стр. 268–270 (1562 г.) и АИ, т. 1, стр. 270 (1572 г.).

⁴⁹ Перечень этих конфискаций см. в: M.B. McGeehon, “The Problem of Secularization in Sixteenth-Century Muscovy”, *The Council of 1503: Source Studies*, pp. 173–175; см. также мою статью “Church Polemics and Monastic Land Acquisition”, p. 370, fnn. 75 и 76.

⁵⁰ Краткий перечень этих земельных вкладов см. в моей статье “Church Polemics and Monastic Land Acquisition,” pp. 372–373.

кто помимо Иосифа Волоцкого присутствовал на Соборе о вдовых священниках.⁵¹ Совершенно очевидно, что Иоасаф имеет в виду Собор 1503 г., и столь же очевидно, что он не ссылается на него как на Собор, занимающийся вопросами церковной и земельной собственности. Для того, чтобы связать вопрос о церковном землевладении, обсуждаемый на Стоглавом Соборе, с Собором 1503 г. и увидеть в Иосифе Волоцком защитника церковной и монастырской земельной собственности, оставалось сделать только один небольшой шаг.

Проблема: поднимался ли или нет вопрос о секуляризации земельной собственности на Соборе 1503 г., остается спорной. Но и 500 лет спустя этот Собор продолжает занимать важное место в истории православной церкви и в русской истории.

II.

Обсуждение недавних работ о Соборе 1503 г.

Предметом этой части статьи является обсуждение трех недавних работ, в которых Собору 1503 г. было уделено достаточно внимания: (1) книге Р.Г. Скрынникова *Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.* (М., 1991), (2) книге А.И. Плигузова *Полемика в русской церкви* (М., 2002) и (3) книге А.И. Алексеева *Под знаком конца времен* (М., 2002). Двое из авторов (Скрынников и Алексеев) придерживаются традиционных взглядов на проблему; третий автор (Плигузов) выступает в защиту ревизионистского подхода, хотя его взгляды несколько отличаются от моей собственной интерпретации событий.

Книга Скрынникова представляет собой обзор отношений русской церкви и Московского государства со времени духовного правления митрополита Алексея (1354–1378 гг.) до времени учреждения патриаршества в Москве (1598 г.) Такой обзор представляется весьма ценным, особенно в тех случаях, когда автор пытается свести воедино результаты новейших исследований с традиционными интерпретациями и найти для них соответствующее место в существующих историографических схемах. Скрынников разделил свою книгу на четыре главы: (1) Русь в XIV в.; (2) Эпоха Ивана III; (3) Иван Грозный и его время; (4) Учреждение патриаршества в России. Обсуждению Соборов 1503 и 1504 гг. он посвятил четвертый раздел 2-й главы.

Скрынников начал с попытки поместить Собор 1503 г. в более широкий контекст его собственных представлений о политике великих князей по отношению к церкви в конце XV-го и начале XVI вв. Он рассматривает конфискацию Иваном III церковных и монастырских земель в Новгороде после присоединения города к Москве как важный показатель великокняжеской политики в этом отношении. Для Скрынникова и для тех, кто придерживается традиционной точки зрения на Собор 1503 г., — ясно, что Иван III стремился распространить свою политику конфискации церковной и монастырской земельной собственности с новгородских территорий на всю Московскую Русь.

⁵¹ Емченко, *Стоглав*, стр. 413.

В своем понимании, что именно произошло на Соборе 1503 г., Скрынников, главным образом, опирается на *Слово иное*. Он указывает, что Боярская дума в это время состояла из княжеских семей Патрикеевых и Оболенских, княжеских семей, ранее правящих в Твери и Ярославле, и бояр из семьи Захарьиных. Ни один из них, как пишет Скрынников, не был упомянут автором *Слова иного* среди тех, кто поддерживал секуляризацию. Скрынников понимает это умолчание как намек на то, что Боярская дума была против секуляризационных планов Ивана III, ибо сами они были весьма щедры в пожертвовании земельной собственности и денежных вкладов в монастыри. Скрынников также говорит о “молчаливой поддержке” церкви со стороны дмитровского князя Юрия, одного из младших сыновей Ивана III. Тем не менее, Скрынников утверждает, что “великий князь Иван III обладал достаточным могуществом, чтобы навязать церкви угодное ему решение” (стр. 173). Одна из причин этой свободы Ивана в принятии решения, по мнению Скрынникова, состоит в том, что ежедневные административные дела находились в ведении дьяков, хотя “формально не имевших думных чинов, но достаточно влиятельных в сфере своей деятельности” (ibid.). Кроме того, полагает Скрынников, Иван III имел поддержку в лице своего старшего сына и соправителя Василия, а также в лице Василия Борисова и еретиков или, по крайней мере, тех, кто находился под влиянием еретиков, включая дьяка Федора Курицына, Елену Волошанку (невестку Ивана III) и Дмитрия Ивановича (его внука). Скрынников, тем не менее, полагает, что Иван III лишился существенной части этой поддержки еще до поднятия вопроса о секуляризации на Соборе 1503 г., покаявшись Иосифу Волоцкому годом раньше в том, что он (Иван) был недостаточно тверд в своем преследовании еретиков. Затем Иван арестовал и посадил в заключение Елену и Дмитрия. Итак, по Скрынникову, “арест Елены Волошанки и покаяние Ивана III предопределили крушение так называемой еретической идеологии русских вольнодумцев, что помогло официальной церкви провалить правительственную программу на соборе 1503 г.” (стр. 175).

Скрынников, к сожалению, не сообщил читателю, каким образом еретики (или вольнодумцы) могли бы помочь триумфу программы Ивана III. Кроме того, по причинам мне не вполне понятным, он, как кажется, считает, что Боярская дума не была частью “правительства”, ибо, хотя и говорит, что “правительственная программа” была выдвинута и потерпела поражение на Соборе, но при этом утверждает, что Боярская дума эту программу не поддерживала. В его понимании роль Боярской думы, как кажется, была близка той роли, которую играла Государственная дума в России в 1906–1917 гг., также не воспринимавшаяся как часть царского правительства. Но Боярская дума была совершенно другой институцией, сильно отличавшейся от Думы начала XX века. Боярская дума вместе с великим князем составляла *правительство*.⁵²

⁵² По этому поводу, см. мою статью “Muscovite Adaptation of Steppe Political Institution: A Reply to Halperin's Objections,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 1 (2000), pp. 268–275; см. также мою статью “The Façade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia,” *Comparative Studies in Society and History*, vol. 44 (2002), pp. 534–563.

Скрынников полагает, что Василий Борисов, упомянутый в *Слове иною* как лицо, принимавшее участие в Соборе, есть не кто иной, как Василий Борисович, который умер в 7011 г. (т.е. где-то между 1 сентября 1502 г. и 31 августа 1503 г.). Этот человек был весьма влиятельным тверским боярином, который поступил на службу к Ивану III после того, как тот аннексировал Тверь в 1486 г. Скрынников утверждает, что Василий Борисович мог принять участие в Соборе 1503 г. незадолго до своей смерти, так его заседания имели место в июле и августе этого года. Он также пытается поселить в нас сомнения относительно источника, в котором сообщается, что Василий Борисович умер в 7011 г., а именно, относительно Шереметьевского списка *Разрядной книги*, аргументируя это тем, что этот список был “составлен в XVII в., изобилует ошибками” (стр. 378, прим. 220). И, тем не менее, даже если мы и усомнимся в информации, предлагаемой нам *Разрядной книгой* относительно даты смерти Василия Борисовича, ясно, что он не мог быть Василием Борисовым *Слова иною*. Во-первых, Василий Борисович называется в *Разрядной книге* не *Борисовым*, а *Бороздиным*. Василий Борисович Бороздин не фигурирует как Василий Борисов в источниках.⁵³ Во-вторых, Василий Борисович имел двух племянников, которых называли Василиями Борисовыми; это — Василий *Иванович* Борисов и Василий *Петрович* Борисов.⁵⁴ Иначе говоря, в данном случае, то, что мы сегодня воспринимаем как фамилию, есть имя *деда*, а не *отца*. Василий Иванович Борисов не достиг сколько-нибудь значительного положения в отличие от Василия Петровича Борисова, который стал окольничим в середине XVI столетия,⁵⁵ т.е. именно в то время, когда случился диспут по поводу Илемны. Автор *Слова иною*, не зная, что Василий Петрович Борисов не мог участвовать в заседаниях Собора 1503 г., так как начал службу при великом князе только в 1515 г., решил включить пожилого и весьма именитого окольничего, своего современника, в число участников своего фиктивного изложения событий 1503 г.

Скрынников также решил принять как факт свидетельство *Слова иною* о том, что Нил Сорский говорил Ивану III, что “не достоин чернцем сел имати”. Но утверждение Скрынникова, что *Прение с Иосифом* тоже сообщает о разговоре Нила с великим князем, ошибочно. Автор *Прения* описывает свои собственные взгляды на допустимость монастырского землевладения, но нигде не сообщает, что Иосиф или Нил беседовали о чем-нибудь с великим князем. Скрынников также отдает себе отчет в том, что свидетельства *Слова иною* и *Письма о нелюбках* противоречат друг другу. Так, согласно *Письму*, Нил поднял вопрос о секуляризации на

⁵³ См. *Разрядная книга 1475–1598 гг.*, под ред. В.И. Буганова (М., 1966). Здесь мы встречаем *Василея Борисовича* (стр. 17–19, 28, 31) и *Василея Борисовича Бороздина* (стр. 21), но он никогда не называется *Василий Борисов*.

⁵⁴ См. А.А. Зимин, *Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV–первой трети XVI вв.* (М., 1988), стр. 262–263.

⁵⁵ См. *Разрядная книга 1475–1598 гг.*, где Василий Петрович фигурирует как *Василей Петрович Борисов* (стр. 10, 13, 115), *Василей Петров сын Борисова* (стр. 58, 63, 75, 77, 80, 86, 90, 94, 96, 97), *Василей Петров Борисович* (стр. 78), *Василей Петров сын Борисовича* (стр. 87), *Василей Борисов* (стр. 64), и, наконец, как *Василей Петрович Борисов* (стр. 116, 121, 152). Именно под последней формой своего имени он был упомянут как окольничий в 1555 г.

Соборе и выступил со следующими предложениями: (1) чтобы “у монастыреи сел не было”; (2) чтобы все монахи вели пустынный образ жизни (“а жили бы черньци по пустыням”); и (3) чтобы монахи добывали себе средства к существованию ремеслом (“а кормили бы ся рукоделием”). Пересказывая это триединое предложение Нила по переустройству монашеской жизни, автор *Письма о нелюбках* существенно искажил его взгляды. Так, согласно собственным произведениям Нила Сорского, (1) он отказывал в земельной собственности только скитам, (2) принимал все три типа монашеской жизни (включая и общежительный), утверждая, что пустынный образ монашеской жизни подходит не каждому, и (3) проводил различие между общежительным образом жизни, требующим обработки земли и прочих сельскохозяйственных работ, и пустынно-затворническим, при котором средства к пропитанию следует добывать ремеслом.⁵⁶ Эти положения Нила, обнаруживаемые в его собственных сочинениях, как видим, никак не противоречат официальной доктрине русской церкви о монашеском житии. Приписываемое Нилу *Словом иным* утверждение, что отдельно взятый монах не может владеть землей, также отражает точку зрения церкви. В целом, можно сказать, что Нил был очень осторожен в своих сочинениях и не расходился с официальной позицией русской церкви. Нас в данном случае более интересует вопрос, что Нил думал о монастырском землевладении. Из анализа его сочинений становится ясно, что Нил поддерживал идею о том, что общежительные монастыри должны владеть землей (иначе монахи просто не могли бы обрабатывать землю). Позже Вассиан Патрикеев высказывался в пользу того, что монастырские земли должны находиться под началом епископа, но Нил никогда не говорил даже этого. Для него этой проблемы просто не существовало, так как его занимал вопрос об устройстве пустынного монашеского жития, а не общежительного монастырского.

Здесь имеет смысл затронуть еще один вопрос, не столько значительный, сколько иллюстративный. Хотя Скрынников и не признает свидетельства *Письма о нелюбках* о том, что Нил обращался с речью к Собору, он, тем не менее, принимает свидетельство этого же самого источника о том, что фамилия Нила была *Майков*. Подобно целому ряду других исследователей до него, Скрынников делает отсюда логическое заключение, что Нил был братом дьяка Андрея Майко, который симпатизировал еретикам (стр. 173). Следовательно, продолжает Скрынников, и сам Нил мог симпатизировать еретикам. Эта логическая последовательность кажется мне весьма порочной. Во-первых, *Письмо о нелюбках* представляет собой ненадежный источник информации. Во-вторых, ни один документ, включая и само *Письмо о нелюбках*, не содержит каких бы то ни было указаний на родственные отношения между Нилом и Андреем Майко. Представление о том, что Нил и Андрей были братьями, следует рассматривать как типичный случай “историографического призрака” (*historiographical ghost*), следуя изящному термину, предложенному Я.С. Лурье,⁵⁷ т.е. случай той исторической спекуляции, которая со временем приобрета-

⁵⁶ Ср. мой анализ трудов Нила Сорского и его взглядов на монашескую жизнь, в статье “Loving Silence,” pp. 476–496.

⁵⁷ См. J. Luria [Я.С. Лурье], “Problems of Source Criticism (with Reference to Medieval Russian Documents),” *Slavic Review*, vol. 27 (1968), p. 21.

ет статус “исторического факта” и в результате начинает переходить без какой-либо дополнительной проверки из работы в работу всех последующих поколений ученых. На самом деле, источники не дают нам никаких оснований думать, что Андрей и Нил были братьями, за исключением похожести их патронимов. Но даже если Нил и был братом Андрея, у нас нет никаких оснований заключать, что Нил разделял его взгляды. В своих сочинениях Нил, напротив, весьма эксплицитно подчеркивал, что он не имеет ничего общего с еретиками.⁵⁸ Этот пример является хорошей иллюстрацией того, как часто историки приходят к заключениям, даже не подозревая, что эти заключения базируются на предположениях, не поддержанных реальными источниками.

Это промежуточное замечание ведет к финальной части моего анализа работы Скрынникова. Скрынников, как мы уже говорили, рассматривает Собор в контексте конфискации Иваном III новгородских церковных и монастырских земельных владений. Для Скрынникова поэтому факт созыва Собора представляется вполне естественным развитием событий: Иван III созвал Собор, чтобы обсудить свои дальнейшие планы по конфискации земельных владений русской церкви. Отсюда следует его вывод, что мы можем считать надежными те источники, которые сообщают о секуляризационных планах Собора. Но вот проблема: за исключением этих самых источников, которые сообщают нам, что этот вопрос был поднят на Соборе, у нас нет никаких других свидетельств, которые убедили бы нас в том, что Иван III действительно имел план секуляризации церковной земельной собственности. Иными словами, мы имеем дело с классическим примером замкнутого круга в историографической концепции. Выглядит это так: (а) мы знаем, что источники, рассказывающие о секуляризации на Соборе 1503 г., надежны, так как (б) мы знаем, что Иван III планировал расширить конфискацию церковных и монастырских земель в самой Московской Руси, а (в) мы знаем, что Иван III действительно планировал расширить эту конфискацию, потому что (г) у нас есть надежные источники, рассказывающие, что вопрос о секуляризации был поднят на Соборе. Я не хочу сказать, что Скрынников и те, кто использует те же систему доказательств, отдают себе отчет в том, что они вступили в замкнутый круг аргументации, из которого очень трудно выбраться, и уж ни в коей мере не хочу сказать, что они сознательно используют эту систему, чтобы затемнить проблему. Но именно так, как родственные отношения Нила Сорского и Андрея Майко стали “утвержденным историческим фактом”, точно так же представление о связи между конфискацией церковной и монастырской земельной собственности в Новгороде, с одной стороны, и созывом Собора 1503 г., с другой, становится “фактом”, далее не требующим рассмотрения или проверки. Так как источники, рассказывающие нам о секуляризационном Соборе, представляются весьма сомнительными, нам следует, вероятно,

⁵⁸ *Нила Сорского Предание и Устав*, под ред. М.С. Боровковой-Майковой; см. *Памятники древней письменности и искусства*, т. 179 (1912), стр. 3: “Лжеименных же учителей еретическая учения и предания вся проклиная азъ и сущи съ мною, и еретики вси чюжи намъ да будутъ”. — Конечно, слова Нила могут пониматься как топос; проблема в том, что у нас нет никаких свидетельств, которые указывали бы на другое, отличное от цитированного выше, отношения Нила к еретикам.

усомниться и в том, что Иван III действительно имел планы расширения конфискации церковного землевладения по всей территории Московской Руси.

* * *

Андрей Плигузов, в процессе работы над своей кандидатской диссертацией и позже, опубликовал ряд статей, посвященных источникам, имеющим непосредственное отношение к Собору 1503 г. Хотя Плигузов был знаком с моими взглядами на проблему и моими аргументами, моя диссертация в тот момент была ему недоступна. В результате, он независимо от меня продублировал многое из моего собственного источниковедческого исследования. Его книга, *Полемика в русской церкви*, рассматривает то, что он понимает как развитие позиций нестяжательства в русской церковной истории на материале тех источников, которые нам сегодня известны. Книга представляет собой собрание из 14 статей, которые Плигузов опубликовал между 1985 и 1995 гг., причем многие из них — в малодоступных изданиях. Выход в свет его книги, таким образом, представляется весьма положительным явлением, сделав доступными для нас важные источниковедческие работы.

Плигузов полагает, что вопрос о церковном и/или монастырском землевладении на Соборе 1503 г. не поднимался и что партия нестяжателей не была сформирована к этому времени. Развивая далее взгляды Лурье и Моисеевой на эту проблему, Плигузов полагает, что партия нестяжателей не была сформирована ранее 1520-х гг. Плигузов и я в данном случае находимся в некотором противоречии по отношению друг к другу, так как я считаю, что у нас нет надежных оснований полагать, что партии иосифлян и нестяжателей как таковые вообще были когда-то сформированы.⁵⁹ Но я не собираюсь вдаваться в подробности по этому вопросу в настоящей статье.

Что же касается Собора 1503 г., то Плигузов в целом склонен принимать свидетельства документальных источников и полностью отрицает свидетельства полемических источников относительно причин и целей Собора. Он соглашается со многими из моих выводов относительно датировки и атрибуции этих источников, например, с тем, что первую и вторую версии *Соборного ответа* следует датировать между 1551 и 1562/3 гг.,⁶⁰ что Артемий является наиболее вероятным автором *Прения с Иосифом*⁶¹ и т.д. Плигузов также отрицает дату 6 августа, традиционно ассоциируемую с *Соборным решением о мздах*. Он указывает, что 6-го августа был праздник Преображения Господня. Следовательно, продолжает Плигузов, эта дата, присутствующая в некоторых списках *Соборного решения о мздах*, выглядит абсолютно невероятной, так как представители высшего духовенства обязаны были в этот день служить в церкви и не могли принимать участие в заседаниях. Он принимает в качестве наиболее надежной даты 1 сентября, указание на которое встречается в некоторых списках *Соборного решения*.⁶²

⁵⁹ См. мою статью “Church Polemics and Monastic Land Acquisition,” pp. 355–379.

⁶⁰ Плигузов, “Соборный ответ”, стр. 813; *Полемика в русской церкви*, стр. 386.

⁶¹ Ibid., “Прение с Иосифом”, стр. 68–74; *Полемика в русской церкви*, стр. 272–275.

⁶² Ibid., “Соборный ответ”, стр. 754–755; *Полемика в русской церкви*, стр. 334–335.

Сравнительный анализ списков *Соборного решения*, мне доступных, заставляет меня, тем не менее, не согласиться с моим уважаемым коллегой по вопросу их датировки. Три списка *Соборного решения о мздах*, которые содержат дату “6-е августа”, — Солов. 1085/1174, Ф.П.80 и Погодин 1572 — наиболее близки к архетипу текста. Те же списки, в которых Плигузов нашел дату “1-е сентября”, — т.е. Синод. 183 и Погодин 1568 — восходят к более поздним протографам, причем Погодин 1568 непосредственно восходит к Синод. 183. По текстологическим причинам, нам следует предпочесть дату “6-е августа”. Кажется едва ли вероятным, чтобы писец по собственному желанию изменил дату “1-е сентября” на “6-е августа, особенно, если учесть, что 6-го августа церковь празднует Преображение. Более вероятно предположить, что дата “6-е августа” была позже изменена на “1-е сентября” под влиянием даты второго *Соборного решения о вдовых священниках*. Наконец, если иерархи собрались в Москве 6-го августа (а скорее всего, раньше), они в любом случае не могли служить праздничной службы в своих епархиях. Более того, они могли служить эту службу “соборно”, в одном из московских храмов. Следует учитывать, что 6-го августа святители должны были служить только литургию, а все-нощное бдение они служили накануне, 5-го августа. Независимо от того, какую службу им пришлось служить в самый день праздника, у них оставалось достаточно времени с полудня до вечера, чтобы принять *Соборное решение*. Само заседание, скорее всего, должно было иметь место накануне, за день, а то и за два, до самой даты, указанной в списках, чтобы дать писцам достаточно времени на подготовку официального экземпляра, требующего подписи всех иерархов.

Это маленькое замечание не надо понимать как указание на то, что я недооцениваю работу Плигузова. Напротив, и его книга, и та огромная источниковедческая работа, которая в ней заложена, вызывают мое самое искреннее восхищение. Я надеюсь, что книга Плигузова найдет широкое применение у специалистов.

* * *

Книга А.И. Алексеева *Под знаком конца времен* рассматривает русскую религиозность, определяемую им как ареал взаимоотношений между народным сознанием и церковной догмой, с конца XIV до раннего XVI вв. Две из шести глав этой книги посвящены Собору 1503 г. Другие главы касаются эсхатологических настроений, поминальной практики, нестяжательства как религиозного и социально-политического явления и, наконец, политики Ивана III по отношению к монастырскому землевладению.

Алексеев разделяет источники, связанные с Собором, на 4 группы: (1) официальные; (2) подготовительные материалы; (3) полемические; и (4) агиографические. Он помещает в первую группу источники соборные решения и летописи, во вторую группу — *Соборный ответ*; в третью — *Прение с Иосифом* и *Письмо о нелюбках*; и в четвертую — *Слово иное, Житие Иосифа Льва Филолога* и *Житие Серрапиона*.⁶³ Его классификация источников существенно отличается от моей клас-

⁶³ См. Алексеев, *Под знаком конца времен*, стр. 245.

сификации: не-полемиические (документальные) и полемиические источники. Первая группа источников в системе Алексеева соответствует не-полемиическим источникам в моей классификации, а группы 2–4, по Алексееву, — полемиическим источникам. Источники, которые Алексей помещает в группу агиографических источников, на мой взгляд, столь же полемиичны, сколь и те источники, которые Алексей помещает в группу 3. Я также в корне не согласен с утверждением Алексева, что *Соборный ответ* является “выпиской из документов митрополичьего архива”. Напротив, я нахожу что все три версии *Соборного ответа* суть достаточно слабые попытки составить документ в русле полемиических источников.

Обсуждая *Соборное решение о мздах*, Алексей совершенно прав, говоря, что не следует смешивать факты симонии и мздоимства со ставленническими пошлинами.⁶⁴ Действительно, хотя нарушения при взимании ставленнических пошлин могли иметь место, но, правильно регулируемые и не превышающие законной суммы, ставленнические пошлыны не должны восприниматься как покупка положения или места в церкви, чем, собственно, и является симония. Должна ли церковь была брать ставленнические пошлыны или нет, — это уже другой вопрос, и русские церковные лидеры могли быть весьма уязвимы со стороны критики и обвинений в мздоимстве.

Алексеев далее замечает, что “наиболее яростные обвинения высшей иерархии в симонии совпадают с периодами наибольшего противостояния церкви и великокняжеской власти”.⁶⁵ И опять, подобно Скрынникову и другим историкам, Алексеев, как кажется, основывается в своих суждениях на презумпции факта существования некоего конфликта между церковью и государством около 1500-х гг. Наличие презумпции этого факта только показывает, какое огромное влияние оказали на историков свидетельства полемиических источников. Без этих источников практически невозможно постулировать наличие конфликта между великим князем, с одной стороны, и церковными лидерами, с другой, и это при том, что все документальные (неполемиические) источники хранят глубокое молчание по этому вопросу. Конечно, нам не приходится говорить о полной гармонии между церковью и государством. Какие-то несогласия и трения могли быть, и наверняка имели место, но они не должны восприниматься как некое непрекращающееся столкновение на протяжении определенного промежутка времени.

Алексеев также обсуждает проблему молчания, которое хранят все летописи по поводу секуляризационного Собора. Он цитирует объяснения Казаковой и Скрынникова, что летописцы воздерживались от сообщения той информации, которая могла бы оскорбить великого князя, особенно если учесть, что в результате Собор принял неблагоприятное для него решение.⁶⁶ Он утверждает, что Плигузов и я понимаем это молчание как свидетельство того, что те источники, которые сооб-

⁶⁴ Ibid., стр. 246.

⁶⁵ Ibid. По непонятным мне причинам Алексеев здесь отсылает читателя к стр. 77 *Повести о Митяе* Г.М. Прохорова. Но я не нашел ничего, что имело бы хоть какое-то касательство к обсуждаемой проблеме ни на этой, ни на соседних страницах книги.

⁶⁶ Алексеев, *Под знаком конца времен*, стр. 248; ср. Казакова, *Очерки по истории*, стр. 72; Скрынников, *Государство и церковь*, стр. 165–166.

щают о секуляризационном Соборе, т.е. полемические источники, — сомнительны. Он далее ссылается на мнение Сеницыной о том, что принципы, по которым летописцы отбирали свою информацию и решали, что надо и что не надо включать в тексты, — нам неизвестны. Наконец, Алексеев цитирует В. Бочкарева, который указывал, что летописи не сообщили нам и о Стоглавом Соборе, но что это умолчание вовсе не значит, что такого собора не было.⁶⁷

Утверждение, согласно которому летописцы не упомянули о секуляризационном Соборе потому, что не хотели включать в свои летописи информацию, которая каким-то образом могла задеть великого князя или ему не понравиться, — весьма проблематично. Оно не объясняет всех других случаев, когда летописцы сообщали информацию, которая заведомо была неприятна или задевала правителя. Здесь достаточно вспомнить послание архиепископа Вассиана Рыло, адресованное Ивану III и написанное по поводу его действий на Угре в 1480 г. Это послание было включено практически во все летописи этого времени, хотя оно едва ли было приятно Ивану III. Действительно, нам далеко не всегда *понятны* те принципы, которыми руководствовались летописцы при включении той или иной информации в текст летописей, но, мне кажется, будет сильным преувеличением утверждать, что нам эти принципы *неизвестны*. Беспокойство о том, что великий князь может быть оскорблен или обижен включением в текст каких-то фактов, — едва ли было одним из главных принципов отбора информации. Долг церкви и монаха (а именно они и были составителями летописей) как раз и состоял в том, чтобы сообщать истину, даже если эта истина была неужодна правителю. И дело, конечно, не в том, что летописи не упоминают о Соборе 1503 г.; они о нем говорят. Проблема в том, что эти летописи говорят то, что ученые, придерживающиеся традиционных взглядов, просто не хотят слышать. Несмотря на то, что Плигузов и я рассматриваем молчание летописей о секуляризационном Соборе как важное свидетельство в пользу нетрадиционного взгляда на проблему, наши выводы основываются на более широком материале, чем один только факт умолчания летописями. Мы ссылаемся на факт умолчания в летописях одновременно с указанием на молчание *Великих Миней Четых* митрополита Макария и на молчание решений Стоглавого Собора, притом что оба эти источника включили решения Собора 1503 г. по другим вопросам. Информация о секуляризационном Соборе отсутствует в *Ответе Макария* (1550 г.), в котором митрополит Макарий подробно обсуждает вопросы церковного и монастырского землевладения; отсутствует она и в *Степенной книге*. Короче говоря, все официальные документы церкви и государства находятся в блаженном неведении относительно такого секуляризационного Собора. Если секуляризационный Собор действительно имел место в 1503 г., мы были бы вправе ожидать хоть какое-то упоминание о нем, по крайней мере, в одном из официальных источников; но у нас *ничего* нет. Итак, дело не в отсутствии упоминания о секуляризационном Соборе в летописях; дело в отсутствии такого упоминания во

⁶⁷ Алексеев, *Под знаком конца времен*, стр. 248; ср. Сеницына, “Спорные вопросы”, стр. 252; В. Бочкарев, “*Стоглав*” и история собора 1551 г. (Юхнов, 1906), стр. 165–166.

всех других источниках, в которых мы должны были бы ожидать появления подобного рода информации.

Обсуждая *Соборный ответ*, Алексеев, как кажется, недостаточно хорошо понял мои аргументы. Я вовсе не утверждаю, что *Соборный ответ* является поздней подделкой только на том основании, что и *Соборный Ответ*, и *Ответ Макария* пользуются одной и той же версией *Дарственной Константина* (стр. 249). Я, на самом деле, говорил следующее: существуют определенные схождения между текстом *Соборного ответа* и текстами *Дарственной Константина* и *Ответа Макария*, которые могут быть объяснены только тем обстоятельством, что составитель *Соборного ответа* имел доступ к *Ответу Макария*. Следовательно, *Соборный ответ* должен был быть написан после 1550 г., даты создания *Ответа Макария*.⁶⁸

К сожалению, Алексеев не произвел тщательного сравнения текстов и обосновал свои выводы относительно взаимоотношений между *Соборным ответом* и *Ответом Макария* только на одном примере, где, как он утверждал, чтение *Ответа Макария* “явно дефектно”. Пользуясь печатной версией *Ответа Макария*, изданной Плигузовым, Алексеев обратил внимание на фразу, в которой говорится, что Андрей Боголюбский “заложив Володимери и постави церковь Успения пресвятыя Богородицы...”.⁶⁹ Он сопоставил эту фразу с соответствующим пассажем из *Соборного ответа*, где сказано, что Андрей Боголюбский “во граде Володимере заложити и поставити церковь Успение пресвятыя богородицы”. Так как абсолютно ясно, что Андрей Боголюбский не закладывал города Владимира, Алексеев заключает: “автор «Ответа» Макария допустил грубейшую ошибку”, ибо в данном случае он следовал *Никоновской летописи*, в которой указывалось, что Андрей заложил город Владимир. Основываясь на этом единственном эпизоде, Алексеев приходит к следующему выводу: “Ответ Макария включает в себя значительную часть «Соборного ответа 1503 г.»”.⁷⁰ И, тем не менее, если автор *Ответа Макария* следовал *Никоновской летописи* и ошибался, то можно предположить, что автор *Соборного ответа* просто исправил ошибку, которую он нашел в своем источнике — *Ответе Макария*. Другими словами, цитируемый Алексеевым пассаж вовсе не свидетельствует о вторичности *Ответа Макария* по отношению к *Соборному ответу*, но скорее говорит в пользу противоположного мнения.

Алексеев также не понял мои аргументы и мои выводы относительно взаимоотношений между первой и второй (по Алексееву, *пространная редакция*) версиями *Соборного ответа* и его третьей версии (по Алексееву, *краткая, поздней-*

⁶⁸ А “*Fontological*” *Investigation*, pp. 146–155.

⁶⁹ “‘Ответ’ Митрополита Макария Царю Ивану Васильевичу ‘О недвижимых вещех, в данных Богови в наследие благ вечных’”, *Русский феодальный архив*, т. 4, стр. 734.

⁷⁰ Алексеев, *Под знаком конца времен*, стр. 254. — Совершенно очевидно, что возможен другой способ членения и, соответственно, чтения этого пассажа. В своей диссертации, например, я предложил читать этот пассаж следующим образом: “заложити в Володимери и поставити церковь Успения пресвятыя Богородица”, см. А “*Fontological*” *Investigation*, p. 458. Предложенное мною чтение не только предпочтительно лингвистически (ср. мое понимание *Володимери* как локатива с абсолютно правильным окончанием *-и* для основ на *-jō* vs. чтения Алексеева–Плигузова, где окончание *-и* предполагаемого аккузатива выглядит весьма странным); оно меняет смысл фразы и делает объяснение Алексеева попросту излишним.

шая редакция). Так, Алексеев утверждает: “Д. Островски попытался доказать вторичность пространной редакции, сгруппировав по своему усмотрению списки краткой редакции”.⁷¹ Но, во-первых, я-то как раз доказывал первичность того, что Алексеев называет пространной редакцией, по отношению к краткой редакции, а не ее вторичность. Во-вторых, я посвятил десять страниц своей диссертации детальному сравнению текстов всех трех версий. Мои выводы основывались именно на этом анализе, а не на простой группировке списков.

Существует целый ряд специфических пунктов, по которым наши с Алексеевым взгляды существенно расходятся, но здесь я хотел бы закончить свой анализ рассмотрением одного концептуального момента. Желая опровергнуть наше, мое и Плигузова, указание на позднюю датировку полемических источников, оба автора, и Скрынников, и Алексеев, стремятся доказать, что составители этих источников должны были (и могли) иметь доступ к тем людям, которые или присутствовали на Соборе 1503 г., или имели о нем более или менее конкретные знания. Так, Алексеев пишет: “Следует учитывать, что «вымыслы полемистов» эпохи Стоглава, которым в концепции Островски—Плигузов отводится столь большая роль, были ограничены наличием многих очевидцев событий рубежа веков”.⁷² Но давайте спросим себя, сколько же в 1551 г. могло быть очевидцев событий, которые имели место 48 лет назад? Все главные участники Собора были уже мертвы к середине XVI в. Даже очень молодым холопам и слугам (если кому-нибудь пришлось бы в голову их расспрашивать), прислуживавшим участникам Собора, должно было бы быть минимум 65–68 лет в 1551 г., и большинство из них, конечно, должно было отойти в мир иной. Кто оставался в живых? Митрополит Иоасаф действительно обращался к участникам Стоглавого Собора с просьбой разузнать у старых бояр о Соборе 1503 г. относительно вдовых священников, но у нас нет никаких данных, что участникам Стоглавого Собора удалось обнаружить хоть одного человека, кто помнил бы об этих событиях. Чтобы лучше понять мнемоническую связь между жителями Руси 1551 г. и событиями 1503 г., я предлагаю в качестве эксперимента сопоставить эту связь, скажем, со связью между жителями современной нам России 2003 г. и событиями, имевшими место 1-го мая 1955 г. (подписание Варшавского договора). В обоих случаях мы имеем дело с 48-летним отрезком времени. Ясно, что сегодня люди живут дольше, чем в XVI в. и, вполне возможно, помнят о событиях несколько лучше благодаря средствам массовой информации. И хотя число участников и свидетелей обоих событий едва ли сопоставимо, оба события являлись важным официальным мероприятием, проходившим за закрытыми для широкой публики дверями. Сколько участников и свидетелей подписания Варшавского договора найдется сегодня, чтобы сказать нам, что же именно происходило в зале заседаний в процессе выработки и принятия решений? Несомненно, что нам удастся найти нескольких из них, но вряд ли они будут сегодня достаточно уверены в себе и в своей памяти, чтобы опровергнуть фальшивые репортажи или заключения относительно подписания этого пакта.

⁷¹ Ibid., стр. 251.

⁷² Ibid., стр. 275, прим. 134.

Алесеев потратил много сил, анализируя проблемы хронологии и стараясь точно установить, когда же именно в 1503 г. состоялся секуляризационный Собор.⁷³ Но, как уже неоднократно говорилось, все полемические источники находятся в противоречии между собой и не согласуются с данными летописей. Подобно Скрынникову, Алесеев решает свои проблемы путем отказа от свидетельств того или другого источника и, в то же время, использует данные этого же самого источника без какого бы то ни было критического анализа, если он, в данном случае, соответствует направлению его критической мысли. Такую практику можно было бы назвать “потребительским отношением к источникам”, если воспользоваться терминологией советской науки 30-х годов.⁷⁴

Несмотря на все эти промахи, книга Алесеева содержит интересный анализ событий и проблем, связанных с Собором 1503 г., заставляющий думать и способный вызвать дискуссию. Его исследование бесспорно заслуживает высокой оценки.

В заключение должен заметить, что я продолжаю находить неудовлетворительными объяснения всех тех, кто стоит на традиционной точке зрения, т.е. тех, кто полагает, что секуляризационный Собор имел место в 1503 г. Они также не сумели убедить меня в ошибочности интерпретации ревизионистов, т.е. тех, кто полагает, что такой Собор есть не что иное, как изобретение полемистов 1550–1560-х гг. Я надеюсь на продолжение дружеской дискуссии по этим вопросам.

Harvard University

⁷³ Ibid., стр. 279–284.

⁷⁴ См. Я.С. Лурье, “О некоторых принципах критики источников”, *Источниковедение отечественной истории. Сборник статей*, под ред. Н.И. Павленко и др., вып. 1 (М., 1973), стр. 84.